

The evolution of the institution of surety in the law of Ancient Rus and the feudal republics

L. V. Plynov¹

¹State Service for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Yaroslavl Region, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-208-213

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to a comparative legal analysis of the institution of surety (bail) in the monuments of medieval Russian law: Russkaya Pravda, the Pskov Judicial Charter and the Novgorod Judicial Charter. The methodological basis of the study includes historical-legal and comparative-institutional approaches, as well as elements of the anthropology of law. The author traces the transformation of this institution from public law collective responsibility of the community (verv) to a formalized private law obligation and a procedural guarantee of appearance in court. The study substantiates the thesis that the development of commodity money relations in the north-western republics of Rus led to the displacement of archaic collective responsibility and the formation of individualized legal personality in the law of obligations. The specific features of surety as a measure of credit security in Pskov and as a procedural guarantee in the adversarial process of Novgorod are identified. It is shown that Russian suretyship developed as a universal institution of third party liability, used primarily to secure the interests of authority and only indirectly to protect the rights of private individuals. The author concludes that there are three stages in the evolution of surety: public fiscal (Russkaya Pravda), private law (Pskov Judicial Charter) and procedural (Novgorod Judicial Charter), which reflects the transition from collective to individual legal consciousness.

Keywords: Russkaya Pravda; Pskov Judicial Charter; Novgorod Judicial Charter; mutual responsibility; surety; wild vira; verv; obligatory law; judicial process

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Plynov, Leonid V. | E-mail: plynoff@mail.ru

For citation: Plynov L. V. The evolution of the institution of surety in the law of Ancient Rus and the feudal republics // Demidov Law Journal. 2026. Vol. 16, No. 3. P. 208-213. (in Russ.)

Эволюция института поручительства в праве Древней Руси и феодальных республик

Л. В. Плынов¹

¹Государственная служба охраны объектов культурного наследия Ярославской области, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-208-213
УДК 340.15

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу института поруки (поручительства) в памятниках средневекового русского права: Русской Правде, Псковской Судной грамоте и Новгородской Судной грамоте. Методологическую основу исследования составляют историко-правовой и сравнительно-институциональный подходы, а также элементы антропологии права. Прослеживается трансформация данного института от публично-правовой коллективной ответственности общины (верви) до формализованного частноправового обязательства и процессуальной гарантии явки в суд. Обосновывается тезис о том, что развитие товарно-денежных отношений в северо-западных республиках Руси привело к вытеснению архаичной коллективной ответственности и формированию индивидуализированной правосубъектности в сфере обязательственного права. В работе выявлены специфические черты поруки как меры обеспечения кредита в Пскове и как процессуальной гарантии в состязательном процессе Новгорода. Показано, что российское поручительство развивалось как универсальный институт дополнительной ответственности за третье лицо, применяемый для обеспечения интересов власти и лишь косвенно – для защиты прав частных лиц. Сделан вывод о трех этапах эволюции поруки: публично-фискальном (Русская Правда), частноправовом (Псковская грамота) и процессуальном (Новгородская грамота), что отражает переход от коллективного к индивидуальному правосознанию.

Ключевые слова: Русская Правда; Псковская Судная грамота; Новгородская Судная грамота; порука; поручительство; дикая вира; вервь; обязательственное право; судебный процесс

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Плынов, Леонид Валерьевич | E-mail: plynoff@mail.ru
Консультант отдела государственного надзора

Для цитирования: Плынов Л. В. Эволюция института поручительства в праве Древней Руси и феодальных республик // Демидовский юридический журнал. 2026. Том 16, № 3. С. 208-213.

Институт поруки, рассматриваемый в современной цивилистике как способ обеспечения исполнения обязательств (ст. ст. 361–367 Гражданского кодекса Российской Федерации), в древнерусском праве обладал значительно более сложной правовой природой, поскольку историческая порука не тождественна современному поручительству и охватывала не только частноправовые, но и публично-правовые отношения (обеспечение верности службе, действий суда, круговой поруки общины). Поэтому истоки рассматриваемого института лежат не столько в сфере частных договоров, сколько в догосударственных механизмах коллективной ответственности рода и территориальной общины.

© ЯРГУ, 2026

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Изучение эволюции данного института на материалах Русской Правды, Псковской судной грамоты (далее – ПСГ) и Новгородской Судной грамоты (далее – НСГ) позволяет выявить магистральное направление развития древнерусского правосознания: постепенный отказ от общинного патернализма и переход к индивидуализации юридической ответственности в условиях роста городов, товарного оборота и формирования договорной культуры.

Методологическую основу настоящего исследования составляют историко-правовой метод, позволяющий рассматривать нормы и поруку в контексте социально-экономических условий соответствующего периода, а также сравнительно-институциональный метод, дающий возможность сопоставить конструкции поручительства в разных памятниках права между собой. Кроме того, используются элементы антропологии права (для анализа ритуальных и репутационных аспектов послушества) и формально-догматический анализ текстов средневековых источников. Такой методологический плюрализм обусловлен комплексной природой объекта исследования. Цель настоящей статьи заключается в проведении диахронного анализа норм о поруке в указанных памятниках права и выявлении социально-экономических предпосылок изменения их юридического содержания.

Как справедливо отмечает В. А. Белов, развитие института поручительства прошло по направлению к признанию обязательства поручителя нести ответственность за нарушение основного обязательства. При этом происходил постепенный переход от ответственности личного характера к ответственности имущественной [1, с. 27]. Данная тенденция прослеживается и в древнерусском праве: если на этапе Русской Правды поручитель (послух) отвечал преимущественно своей репутацией и личным достоинством, то в Псковской Судной грамоте ответственность поручителя приобретает четко выраженный имущественный характер, что свидетельствует о рационализации и формализации обязательственных отношений.

В последние годы интерес к институту поруки в древнерусском праве существенно возрос, что связано с общим поворотом историко-правовых исследований к микроанализу отдельных институтов и пересмотру советских парадигм. Классические работы В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича и М. Ф. Владимирского-Буданова заложили фундамент понимания «дикий виры» как фискально-общинного механизма, а Ю. Г. Алексеева и А. А. Зимина – акцентировали региональные особенности Пскова и Новгорода.

В русле современных сравнительно-правовых исследований Е. С. Трезубов и Е. П. Русакова обращаются к эволюции поручительства, подчеркивая, что в древнерусском праве порука, как уже отмечалось ранее, изначально не имела четкой дифференциации на публично-правовые и частноправовые формы, выступая общим основанием ответственности третьего лица. Авторы отмечают, что, в отличие от римского пути развития, где поручительство прошло последовательную эволюцию от вербальных форм к финансовой ответственности, российское поручительство развивалось как универсальный институт дополнительной ответственности за третье лицо, применяемый для обеспечения интересов власти и лишь косвенно – для защиты прав частных лиц [2, с. 88–90]. Кроме того, Е. С. Трезубов и Е. П. Русакова акцентируют внимание на том, что к началу рецепции римского права в России (XVIII–XIX вв.) отечественное поручительство естественным образом достигло схождения с личным обеспечением в германском и французском обязательственном праве, что подтверждает наличие самостоятельной, внутренне обусловленной логики развития данного института на русской почве [Там же. С. 91].

Теоретическая рамка исследования строится на различении публично-правовой коллективной ответственности (дикая вира), репутационного поручительства (послушество) и договорной имущественной гарантии (порука в ПСГ и НСГ). Эти три идеаль-

ных типа соответствуют трем стадиям эволюции, однако между ними нет жестких хронологических границ: элементы ранних форм сохраняются и в более поздний период.

В древнейшем пласте отечественного законодательства, зафиксированном в Краткой и Пространной редакциях Русской Правды (XI–XII вв.), порука как самостоятельный институт частного права еще не вычленяется из публично-правовых отношений общины и княжеской власти. Ее наиболее ярким проявлением выступает норма о так называемой «дикий вире» (ст. ст. 4–8 Пространной Правды). Как справедливо указывал В. О. Ключевский, дикая вира являлась не столько формой солидарной помощи преступнику со стороны верви, сколько механизмом самосохранения общины перед фискальными притязаниями князя: «Верьвь помогала убийце платить виру и продажу, чтобы выкупить свой покой от обвинения в соучастии или попустительстве» [3, с. 234]. При этом дикая вира распределяла риск уплаты штрафа между всеми членами общины, что снижало индивидуальное бремя для семьи убийцы. С точки зрения экономической антропологии, это был механизм внутреннего перераспределения риска в условиях отсутствия централизованного социального страхования. Субъектом ответственности в данном случае являлось не конкретное лицо, а вся территориальная корпорация (вервь) – при совершении убийства на ее земле либо при неисполнении обязанности «гнать след» преступника (ст. ст. 70, 77 Пространной Правды). Характерно, что вервь отвечала солидарно, но при этом имела право регресса к семье убийцы, если тот был обнаружен.

Представляется важным подчеркнуть, что феномен дикой виры имеет не только правовое, но и антропологическое измерение. В условиях отсутствия развитого государственного аппарата принуждения и регулярной налоговой системы круговая порука общины выполняла функцию своеобразного механизма компенсации социальных рисков, позволявшего княжеской власти минимизировать издержки по розыску преступников и сбору штрафов. При этом для самой верви участие в дикой вире было не столько обязанностью, сколько формой коллективного самосохранения: отказ от выплаты или укрывательство преступника могли привести к репрессиям со стороны князя вплоть до роспуска общины или наложения дополнительных повинностей. Таким образом, дикая вира является классическим примером симбиоза частного и публичного интересов.

Исключение, приближающееся по своей природе к личной гарантии, можно усмотреть лишь в ст. 54 Пространной Правды о купце, утратившем товар. Законодатель разделяет ответственность в зависимости от вины: гибель товара вследствие непреодолимой силы («пагуба от Бога», «воин», «пожар») освобождает от ответственности, тогда как виновная утрата (пьянство, азартные игры, порча товара) влечет суровые последствия вплоть до продажи должника в рабство по усмотрению кредиторов. В этом контексте уместно привести замечание В. И. Сергеевича о том, что в эпоху Русской Правды основной гарантией исполнения обязательства выступала сама личность должника, а не имущество или обязательство третьего лица [4, с. 588]. Однако именно здесь можно предположить наличие неформального поручительства: кредитор, доверяя купцу, мог полагаться на поручительство третьих лиц, но закон этого прямо не фиксирует. Институт собственно поручительства в данный период находится лишь в стадии зарождения, будучи поглощенным родовыми и общинными связями.

Принципиальное значение для понимания ранних форм поручительства имеет разграничение между видоками и послухами. Видок (от глагола «видеть») представлял собой непосредственного очевидца факта. В современном понимании это свидетель. Его показания касались исключительно фактических обстоятельств дела. Напротив, послух (от глагола «слышать») не являлся очевидцем события. Его процессуальная функция имела иную природу: он удостоверял «добрую славу» стороны, то есть под-

тверждал, что истец или ответчик является лицом, заслуживающим доверия, и добропорядочным членом общины.

Как отмечается в современных исследованиях, послух выступал не источником информации о фактах, а гарантом процессуальной добросовестности стороны – своего рода поручителем ее репутации перед судом. Сам термин «послух» этимологически связан с глаголом «слушать», однако его семантика в контексте Русской Правды выходит за пределы простого обозначения лица, что-либо слышавшего о деле. Речь идет о свидетельствовании репутации, «доброй славы» – то есть о поручительстве за личность в целом, а не о подтверждении конкретного юридического факта. Таким образом, послушество представляет собой архаичную форму поручительства, встроенную в судебный процесс и имеющую репутационный, а не имущественный характер.

Качественный сдвиг в правовом регулировании поруки фиксирует законодательство Псковской феодальной республики XIV–XV вв. Развитие торгового капитала кредитных отношений в Пскове, который был крупным центром торговли с Ганзейским союзом и Литвой, потребовало создания четких обеспечительных механизмов. Вследствие этого порука приобретает характер исключительно договорного, частноправового отношения, утрачивая связь с общинным кругом. Порука теперь оформляется либо устно (при небольших суммах), либо письменно («запись»), либо сопровождается залогом. Псковская Судная грамота проводит строгое формальное разграничение в зависимости от суммы обязательства. Статья 30 ПСГ устанавливает императивное правило: «А кто имет давать деньги в займ до рубля без залога и без записи, ино не судить». Данная норма, по толкованию М. Ф. Владимирского-Буданова, вводила существенные ограничения процессуальной защиты для кредитора, стимулируя участников оборота к заключению крупных сделок посредством оформления либо письменного договора (записи), либо залога (залога), либо поруки [5, с. 349]. Поручитель в псковском праве выступает уже как отдельная фигура обязательственного права, несущая разделенную (а в случае нескольких поручителей – солидарную) с должником ответственность перед кредитором. В отличие от Русской Правды, где поручитель был неотделим от общины или репутации, в Пскове он – конкретный человек, связавший себя обязательством.

Кроме того, ст. ст. 41 и 42 ПСГ демонстрируют применение института поруки в сфере отношений личного найма («наймиты»). Законодатель защищает интересы «государя» (нанимателя), предоставляя ему право взыскать выданную «покруту» (аванс) с поручителя, если наймит отказывался от выполнения работ. По мнению Ю. Г. Алексеева, именно псковское право совершает переход от архаичного «послушества» к полноценному институту гарантии обязательства третьим лицом, что было напрямую продиктовано потребностям развитого товарного оборота и городского быта [6, с. 102].

Новгородская Судная грамота смещает акцент в регулировании поруки с материально-правовой плоскости в плоскость процессуальную. Если псковский законодатель акцентирует внимание на обеспечении интересов кредитора в обязательстве, то новгородский – рассматривает поруку преимущественно как гарантию правомерного поведения сторон в ходе состязательного процесса. Это различие объясняется, во-первых, огромной территорией Новгородской земли, где ответчик мог легко скрыться, а во-вторых, более развитым состязательным началом в новгородском судопроизводстве. Согласно ст. 24 НСГ при предъявлении иска о побоях и грабеже суд обязывал обе стороны принести крестное целование и представить поручителей, которые гарантировали бы их явку на судебное разбирательство («а судье велети им целовать крест, да и порука с обою сторону взяти, что им стати на суде»). Статья 36 НСГ дополняет данное положение императивным требованием: отсутствие поруки («а порука по нем нет») влечет немедленное взятие ответчика под стражу («дати за пристава»). Таким образом,

новгородское право констатирует поруку как условие освобождение от досудебного задержания, что функционально сближает данный институт с современными мерами пресечения в виде личного поручительства (ст. 103 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

А. А. Зимин, анализируя особенности новгородского судопроизводства, отмечал его крайнюю формализованность и пронизанность идеей тяжбы равных субъектов. Порука в данном контексте служила инструментом, уравнивающим процессуальные возможности сторон и обеспечивающим интересы правосудия в условиях обширной территории Новгородской земли [7, с. 212]. Новгородская модель поруки была тесно связана с институтом «крестного целования», что придавало ей религиозно-моральное измерение: поручительство скреплялось клятвой на кресте, что значительно повышало его психологическую действенность. Клятва имела сакральный характер и рассматривалась как гарантия, подкрепленная страхом божественного наказания.

Сравнивая псковскую и новгородскую модели поруки, нельзя не заметить, что различия между ними носят и политический характер. Так, Псков, ориентированный на транзитную торговлю, нуждался в ускоренном разрешении имущественных споров, что привело к доминированию материального поручительства. Новгород же, будучи территориально более обширным, сталкивался с проблемой процессуальной дисциплины: ответчики уклонялись от явки в суд. В этих условиях поручительство стало инструментом поддержания судебного процесса. Новгородская модель предвосхитила современное понимание личного поручительства как меры пресечения, тогда как псковская тяготела к частноправовому поручительству в цивилистическом смысле.

Таким образом, анализ эволюции поруки в средневековом русском праве позволяет выделить три этапа. В Русской Правде (XI–XII вв.) она не отделена от круговой поруки общины (дикая вира), носит публично-фискальный характер, существует репутационная порука (послушество). На следующем этапе, зафиксированном в Псковской Судной грамоте (XIV–XV вв.), порука трансформируется в частный способ обеспечения договоров (займ, найм), поручитель отвечает имуществом. Наконец, в Новгородской Судной грамоте (XV в.) доминирует процессуальная функция (мера пресечения, гарантия явки в суд), материальное поручительство развито слабее из-за иных экономических приоритетов. Данная эволюция наглядно демонстрирует движение правовой мысли от коллективного общинного правосознания к индивидуалистическому типу правового регулирования, свойственному городским торговым центрам с элементами демократического устройства. В современных исследованиях этот процесс получает новое, более многогранное объяснение, учитывающее не только экономические, но и культурно-религиозные факторы.

Ссылки

1. Белов В. А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. М.: ЮрИнфорР, 1998. 234 с.
2. Трезубов Е. С., Русакова Е. П. Эволюция поручительства в римском и российском обязательственном праве // Вестник Омского университета. Серия "Право". 2020. Т. 17, № 1. С. 82–93. DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(1).82-93
3. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция XIV // Сочинения в 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 430 с.
4. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. 672 с.
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д.: Феникс, 1995. 640 с.
6. Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л.: Наука, 1980. 243 с. EDN RVYQYR
7. Зимин А. А. Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Под ред. С. В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1953. 442 с.